КРУШЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО КОРАБЛЯ РЕПУЛЬСЪ.

Въ одну изъ войнъ двухъ сосѣднихъ державъ, Англіи и Франціи, эскадра первой крейсеровала въ проливѣ, который ихъ раздѣляетъ. Корабль Репульсъ былъ отряженъ адмираломъ для перехвата судовъ у Бреста. Первымъ несчастіемъ было, что командиръ, при сильной качкѣ, упалъ въ люкъ и убился до полусмерти. Затѣмъ, однакоже, англичане благополучно отбили плѣненный французами пакетъ–ботъ свой, но при пасмурномъ небѣ уже нѣсколько дней нельзя было наблюдать солнца; сильное теченіе унесло корабль къ непріятельскимъ берегамъ и онъ ударился о рифъ. Успѣли положить паруса на стеньгу и вышли изъ каменьевъ, но безъ руля и съ такою течью, что въ полчаса вода поднялась до орлопъ–дека. Оставалось одно спасеніе: спуститься поспѣшно къ французскимъ берегамъ и отдаться въ плѣнъ.

Поставили всѣ паруса, спустились кое–какъ и приставили всю команду къ отливкѣ воды и скидкѣ орудій и другихъ тяжестей за бортъ. Отдаваться въ плѣнъ, такъ жалѣть пушекъ нечего. Подвели также парусъ подъ киль, и это немного уменьшило течь.

Съ большимъ трудомъ удерживали корабль на водѣ; со свѣтомъ, при густомъ туманѣ, раздалась французская заревая пушка, которая показала, что берегъ былъ вплоть. Тогда только увидѣли берегъ этотъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ, отвѣсной скалой, выше мачтъ. Утлегерь почти уперся въ скалу, когда отраженіемъ, отбоемъ вѣтра отъ утеса, положило паруса на стеньгу. Корабль понесло вдоль берега и наконецъ поставило на мель; срубили мачты и спустивъ катеръ, стали перевозить команду на берегъ; но одинъ изъ лейтенантовъ, перевозившій команду, рѣшился скорѣе пуститься въ море на катерѣ, чѣмъ отдаться въ плѣнъ. Онъ такъ расказываетъ дѣло это:

Открывшись товарищу, другому лейтенанту, и получивъ согласіе его, я

продолжалъ перевозить команду, а самъ готовился: я захватилъ компасъ, но въ суматохѣ никакъ не могъ достать мачтъ и парусовъ. Высматривая годныхъ товарищей на перепутьи отъ корабля къ берегу, я также пригласилъ лоцмана, и онъ согласился. Первый лейтенантъ, морякъ безстрашный, съ радостію пошелъ ко мнѣ въ товарищи и успѣлъ положить въ катеръ кусокъ вяленой говядины, сухарей и вина, также простынь и скатертей офицерскихъ, на паруса. На наше счастье, подняли мы съ воды мачты и реи гребныхъ судовъ, смытые водою съ нашего корабля.

Когда весь экипажъ былъ перевезенъ, насъ осталось на катерѣ, рѣшившихся итти въ Англію: три лейтенанта, два мичмана, лоцманъ и 8 матросовъ. Между тѣмъ какъ несчастные товарищи наши на берегу отдавались въ плѣнъ, мы воротились еще разъ на корабль, и взявъ съ бизань–русленей бывшую тамъ небольшую бочку съ прѣсной водой, пустились въ море.

Скажу еще кто и какъ погибъ при крушеніи этомъ: когда корабль нашъ въ

первый разъ ударился о камень, то пять матросовъ, забывъ послушаніе и, думая только о своемъ спасеніи, бросились къ боканцамъ и, хотѣли спастись на шлюпкѣ; но обезпамятѣвъ, они отрубили напередъ одни тали, шлюпка повисла и всѣ пятеро утонули. Нѣсколько матросовъ успѣли перепиться; изъ нихъ также двое потонули, пустившись съ корабля по перлиню на берегъ, да еще четверо, мертвецки пьяные, покинуты были на кораблѣ, который вскорѣ разбился. И они потонули.

Поставивъ парусъ съ яла вмѣсто фока, мы пошли попутнымъ вѣтромъ, позавтракали и принялись вооружать катеръ и шить паруса изъ простынь и скатертей. Вскорѣ мы его снарядили совсѣмъ. Но вотъ бѣда: бочка съ водой на русленяхъ нѣсколько разъ красилась блекварнишемъ и вода такъ пропахла имъ, что отъ нея тошнило. Мы и тутъ утѣшились: тѣмъ спорѣе она будетъ; меньше станутъ пить.

Около полудня мы заштилѣли, еще въ береговыхъ каменьяхъ, и насилу отгреблись

отъ нихъ, при сильной зыби. Къ вечеру задулъ вѣтерокъ, но былъ намъ такъ крутъ, что мы едва только могли итти вдоль берега, подъ самыми батареями. Мы сняли шляпы и повязали головы платками, потому что французскіе матросы шляпъ не носятъ, и насъ сочли за французовъ. Ночью хотѣли мы укрыться отъ зыби въ заливъ и простоять тамъ на дрекѣ, но вдругъ часовой съ берега насъ окликнулъ: мы опять попали подъ батарею. Спѣшно поднявъ паруса, мы скрылись въ потьмахъ. Нѣсколько матросовъ такъ были напуганы этою неудачей, что готовы были отдаться въ плѣнъ; но мы вышли въ проливъ и отстоялись тамъ, при сильной зыби, на дрекѣ; а къ полуночи подулъ намъ попутный вѣтеръ въ родную Англію.

На другой день пополудни, когда мы были только миляхъ въ 12–ти отъ Плимута, заштилѣло, а къ вечеру задулъ сильный противень, сѣверякъ. Въ такомъ крайнемъ положеніи лоцманъ нашъ взялся спуститься на англійскій островокъ Джерсей; мы совѣтовались, опасаясь, чтобы не залило

катеръ попутнымъ вѣтромъ и волнами, какъ вдругъ на SO трижды блеснула молнія. Суевѣрные гребцы наши закричали, что это знаменіе; островъ Джерсей былъ прямо на SO, и надъ нимъ то блеснула молнія. Мы рѣшились тотчасъ же и спустились на SO.

Катеръ пошелъ легко и хорошо уходилъ отъ валовъ. Часа въ 2 по полудни, на другой день, мы увидѣли берегъ: общее ура его встрѣтило: это былъ Джерсей. Къ утру за тѣмъ, то есть, проносившись четверо сутокъ по морю, мы пристали къ острову и были дома. Поблагодаривъ Бога, вздохнули мы о бѣдныхъ товарищахъ своихъ, оставшихся въ плѣну, и стали готовиться на новую службу.